

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

*А.П. ЗАОСТРОВЦЕВ***О сильных и слабых в экономике истории
(размышления над новой книгой)**

В статье анализируется книга профессора А. Скоробогатова “Общество как договор между сильными и слабыми. Очерки по экономике истории”. Автор книги поставил задачу применить экономический метод к исследованию истории, посмотреть на нее на основе допущения о рациональности акторов и, исходя из него, показать историю как смену форм взаимодействия сильных и слабых участников. В статье отмечается, что многое автору книги удалось: систематизация иерархий институтов, выделение особой роли культуры, концепция конвенциональных ожиданий в качестве объяснения устойчивости диктаторских режимов. В книге верно замечено, что хозяйственная деятельность перестает быть уделом слабых, когда экономика начинает определять военную мощь. Тогда появляются государственные гарантии прав собственности и сила подчиняется правилам. В то же время в статье имеет место и полемика с автором книги по ряду вопросов. Определение рациональности в книге настолько тривиально (выбор наилучших средств достижения цели), что описывает любую человеческую активность. По мнению автора статьи, в книге присутствует избыточная склонность к географическому детерминизму. Вызывает большие сомнения теория молодых и старых диктатур и особенно ее применение к истории Советской России. Довольно примитивный “экономизм” используется в определении оптимальных размеров государств. Однако данная полемика находится в русле научной дискуссии по поставленным в книге проблемам. Автор статьи полагает, что эта книга, безусловно, станет отправной точкой для последующих работ в области экономики истории.

Ключевые слова: сильные и слабые, естественная среда, рациональность, конвенциональные ожидания, молодая диктатура, старая диктатура, организации, иерархия институтов, культурный контекст, порядок и иерархия, индивидуальная свобода.

DOI: 10.31857/S086904990005818-1

С объяснением истории экономистами приходится встречаться в последнее время довольно часто. Среди фундаментальных работ такого рода следует, в первую очередь, назвать труды Д. Норта, включая, конечно, широко известную книгу, написанную им с двумя соавторами [North, Wallis, Weingast 2009]. Нельзя не вспомнить и книги Д. Лала [Lal 1998], Дж. Мокира [Mokyr 2002; Mokyr 2016], Ст. Хедлунда [Hedlund 2005; Hedlund 2011], Д. Асемоглу (Аджемоглу) и Дж. Робинсона [Acemoglu, Robinson 2012]. К такой же категории работ, безусловно, относится и трилогия Д. Макклоски [McCloskey 2006; McCloskey 2010; McCloskey 2016]. Среди российских экономистов институциональный анализ истории пока не стал ведущим трендом. В этом плане выделяется лишь книга Р. Нуреева и Ю. Латова [Нуреев, Латов 2016], посвященная экономической истории России.

З а о с т р о в ц е в Андрей Павлович – кандидат экономических наук, профессор департамента государственного администрирования Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (Санкт-Петербург); научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге. Адрес: 198099, Россия, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 17. E-mail: azaostrovsev@hse.ru

В чем особенность книги А. Скоробогатова? Начнем с того, что она не про Россию, хотя ей, естественно, уделяется много внимания. Она прежде всего раскрывает методологию и фундаментальные принципы экономического анализа институциональной истории как таковой. Причем исследование носит универсальный характер, то есть, по идее, применимо ко всем странам и народам Земли.

Многие экономисты, взявшиеся за исследование не каких-то отдельных исторических эпизодов, а истории в “долгом времени” уходят от стандартной экономической методологии. Это хорошо видно на примере Норта, который начинал рассматривать историю с неоклассическим экономическим инструментарием, а под конец творчества фактически полностью отказался от него [Заостровцев 2014, с. 11–72]. Скоробогатов же исходит из того, что “жесткие неоклассические допущения должны быть ослаблены” (имеется в виду совершенство и однородность институциональной и естественной среды), но “основная суть экономической теории – принцип рациональности – остается без изменения” и он позволяет “анализировать весь комплекс общественных явлений в течение мировой истории” [Скоробогатов 2018, с. 24] (далее при ссылках на эту книгу указываются только соответствующие страницы в круглых скобках). Отсюда стремление автора к отстаиванию экономического империализма применительно к истории.

Рациональность определяется самым простым способом, безотносительно содержания выбранной цели. Действовать рационально означает действовать, “пользуясь наилучшим из возможных способов достижения поставленной цели...” (с. 14). Такое определение рациональности и в самом деле относится к любой разновидности человеческого поведения, включая поведение самоубийц. При этом исключается альтернатива – иррациональность поведения (незнание наилучших способов достижения поставленной цели таковой не является). Однако для объяснения истории решающее значение имеет понимание причин выбора той или иной конкретной цели, а не способов ее достижения¹.

Обратимся к любимому скоробогатовскому кейсу с царем Иродом и истреблением младенцев от определенной даты рождения. Если принять данную легенду за исторический факт, то дотошный историк в сотрудничестве с археологом может в деталях раскрыть, как именно это делалось. Но достаточно ли этой информации для понимания сути события, если мы не знаем причины такого приказа царя? К счастью, в дальнейшем автор обычно раскрывает именно причины исторических событий (и шире – институциональных порядков), а не ограничивается лишь указаниями на рациональность акторов.

Это и делает книгу весьма интересной. Уже во второй главе ведется поиск причин успешного и неуспешного развития разных стран, а также социальных различий. Анализируются естественные условия, природная среда. Нет оснований не видеть в них важные детерминирующие факторы общественного бытия. Особенно, как правильно замечает автор, в доиндустриальном мире. Тем не менее в предложенных трактовках наблюдается некоторый перекокс в пользу географического детерминизма известного еще со времен Ш. Монтескье. Например, делается следующее заключение: “Географические особенности Средиземноморья оказались благоприятны для формирования множества мелких оседлых сообществ, построенных по *республиканскому принципу* (курсив мой. – А.З.) и вступающих друг с другом в систематические горизонтальные связи” (с. 44). Сразу возникает вопрос: а как же Спарта? Да и целый ряд тиранических правителей в тех же греческих колониях. У них были какие-то иные географические условия?

Далее автор переносит нас в Древнюю Русь и Московское государство. Речь снова идет об естественных условиях и их влиянии на социальное устройство. В чем-то с ним можно и согласиться. Так, вполне вероятно, что равнинный рельеф местности, отсутствие естественных преград породил в качестве оборонной стратегии территориальную экспансию.

¹ В то же время упор на рациональность имеет и свои очевидные плюсы в случае, когда объясняются действия ключевых акторов истории. Например, сразу исключаются трактовки природы политических решений и поступков И. Сталина как бессмысленных, глупых и чуть ли не безумных. С точки зрения избранных им целей они достаточно рациональны.

По крайней мере, это верно по отношению к наследникам Золотой Орды (особо примечательно противостояние Крымскому ханству, которое удалось окончательно сломить лишь во второй половине XVIII в.). Вновь встает все тот же вопрос: если география имеет такое значение, то чем вызвано появление столь отличного от княжеств северо-восточной Руси социума, как Великий Новгород? Или же Великого княжества Литовского как антипода Московии? [Заостровцев 2017]. Так ли радикально эти территории отличались по климату, почвам, особенностям рельефа как по своему социальному устройству?

В книге утверждается, что в основе истории любого общества лежат “три кита”: индивидуальная рациональность, неравенство силовых возможностей и долгосрочные выгоды сотрудничества (с. 65). И (что особенно важно) автор подчеркивает: последнее оказалось преобладающим, когда хозяйство стало “основным источником силового потенциала, что и обеспечило ему ключевое место в жизни современных развитых обществ” (с. 84). До той поры силовики играли решающую роль, а хозяйственная деятельность была “уделом слабых”. Большую часть истории человечества социальное устройство отвечало известному переведенному А. Пушкиным четверостишию про злато и булат. Общество, где насилие подчинено задачам гарантии прав собственности, и есть капитализм. В свою очередь, из этих гарантий проистекают стимулы к накоплению капитала через инвестиции и, как следствие, то, что названо современным экономическим ростом.

Обратим внимание, что в рассматриваемой книге экономист, вслед за Норттом с его соавторами, подчеркивает решающую роль насилия в доиндустриальных формациях. Причем он не ограничивается давними эпохами (но об этом речь впереди). Пока же приведу следующее утверждение, которое позволяет автору избежать взгляда на центральную роль насилия как атрибута исключительно прошлого человечества: “Государство поддерживается нижележащей аристократией, которую оно формирует. Эта аристократия может быть политической (военной, бюрократической), т.е. связанной с реализацией прямого принуждения. Может быть экономической, в каком-то случае и возникает капитализм. Если предпочтение оказывается аристократии политической, общество и хозяйство выстраиваются в иерархическом порядке командной экономики, в противном же случае – по типу западного капитализма” (с. 82). Командные экономики – это альтернативные последнему социальные порядки, решавшие задачи индустриализации в ряде стран в XX в. Добавлю от себя, что многое от них сохраняется и в современных Китае и России, которые, разумеется, не являются моделями “западного капитализма”.

В целом, концепция Скоробогатова чем-то напоминает схему, которую предложил В. Четвернин, поделив цивилизации на два типа: правовой и потестарный (силовой) [Четвернин 2014]. В то же время его анализ строится на значительно более глубоком теоретическом основании: им проводится всестороннее институционально-экономическое исследование силовых порядков. Развивается теория Норта с соавторами о роли организаций и доступа к ним. Среди ряда положений выделим лишь одно и весьма актуальное: об опасности любой, сколь угодно нейтральной организации для диктатуры. “Чтобы быть преследуемой, новой группе достаточно просто быть нейтральной, поскольку любая организация – источник силы, а всякая сила должна быть подчинена диктатуре” (с. 99).

Отмечу как несомненно сильную сторону работы обращение к так называемым конвенциональным ожиданиям. Они играют важную роль при объяснении власти диктатора. Это ожидания относительно поведения других людей в отношении власти и конкретного властителя. Если даже допустить, что каждый индивид, согласно своим внутренним предпочтениям, настроен против диктатуры, но при этом одновременно убежден, что его реальные действия против нее не будут поддержаны другими, то он не увидит смысла “гибнуть в одиночку” и останется внешне лоялен. Поэтому-то “всеми нелюбимый диктатор может оставаться у власти благодаря выгодному ему общественному мнению об отношении к нему подданных” (с. 93). Между прочим, теория конвенциональных ожиданий хорошо объясняет, почему диктатору нужен заоблачный рейтинг поддержки, а не тот, который посчитал бы очень высоким любой демократический руководитель.

Рассуждения автора о конвенциональных ожиданиях во многом схожи с концепцией двойных предпочтений Т. Курана [*Kuran* 1995], согласно которой функция полезности индивида зависит не только от традиционной внутренней полезности, но и от внешней полезности, под которой понимается мнение других лиц. Под его влиянием индивид может быть неискренним в демонстрации собственных предпочтений, но стоит общественной поддержке снизиться до какого-то критического значения, как он тут же “вытаскивает на свет” свои истинные предпочтения. И присоединяется к протестным действиям в той или иной форме. В экономической теории потребления подобное явление называется “эффектом присоединения к большинству” (*bandwagon effect*). В политике оно объясняет, в частности, относительно быстрое падение, казалось бы, незыблемых диктатур (свежие примеры – свержение Х. Мубарака в Египте и М. Каддафи в Ливии).

Вклад в политико-экономическую теорию диктатур не ограничивается концепцией конвенциональных ожиданий. Наряду с положениями о рациональном смысле неизбирательных репрессий сталинской эпохи второй половины 1930-х гг. (до автора к похожему обоснованию прибегали П. Грегори и его соавторы) [*Gregory, Shroder, Sonin* 2006], о так называемой дилемме диктатора (описанной Р. Уинтроубом) [*Wintrobe* 1998; *Wintrobe* 2001], автор задействует разработанную им теорию молодых и старых диктатур. Молодая диктатура отказывается от апеллирования к мотиву страха или, по меньшей мере, менее склонна к этому. Причина в том, что “старая диктатура может себе позволить обращение к мотиву страха, поскольку в ее случае лояльность определяется объективными социально-экономическими интересами сформировавшихся классов”. Тогда как молодая диктатура “действует в условиях только формирующихся классов по их лояльности и каждого подданного может рассматривать как потенциального врага или друга”. И далее: “Неопределенность социальной базы делает для нее наиболее выгодным имидж заботящейся об общем благе, с которым плохо сочетается политика устрашения. Поэтому при прочих равных условиях молодая диктатура должна быть менее склонна к использованию мотива страха” (с. 102). Понятно, что такие парадоксальные утверждения вызывают желание вступить в спор. Сразу возникают вопросы: а как же, например, якобинский террор или красный террор? Неужели молодые якобинская и большевистская диктатуры были менее склонны к использованию страха, чем, например, сменившие их, соответственно, бонапартистская и сталинская.

Вероятно, предвидя эти вопросы, автор заявляет: “Другое же свое свойство – молодость – советская диктатура стала обретать лишь спустя десятилетия после революции, после физического или социального устранения всех враждебных прослоек общества”. Так кто же тогда устранял все “враждебные прослойки общества”? Не-диктатура? Или она в период красного террора и НЭПа не была молодой? То какой же она была? И тут следует уж совсем удивительный тезис автора о том, что в период революции и Гражданской войны “советская” (точнее было бы использовать определение “большевистская”, ибо советы всегда были преимущественно декоративными органами власти) диктатура “обладала свойствами старой диктатуры” (с. 111). Позволю напомнить часть приведенного выше авторского определения “старой диктатуры”: лояльность ей определяется объективными социально-экономическими интересами сформировавшихся классов. С какой же невероятной скоростью должны были сформироваться эти верные ей классы вместе с их “объективными интересами”! И куда только они делись в эпоху сталинизма?

Автор прямо объявляет ленинскую диктатуру старой, а сталинскую – молодой. Последнюю отличает “отказ от апеллирования к мотиву страха” (с. 101) и поэтому “сталинская диктатура обнаружила и такую особенность молодой диктатуры, как отказ от политики устрашения” (с. 119). Жалко, конечно, что Сталин об этом не догадывался.

Позволю привести контраргументы. Во-первых, масштаб репрессий был таким, что он не мог быть незамеченным в качестве “пугала” всеми слоями общества. Во-вторых, сталинские репрессии почему-то связываются только с террором второй половины 1930-х гг. и игнорируется главная их волна, порожденная коллективизацией и, особенно,

Голодомором. С его многочисленными жертвами сталкивались не только жители сельской местности, но и горожане. В-третьих, стоит вспомнить и репрессивное сталинское законодательство, которое, естественно, не скрывалось, а отправляло вполне определенные сигналы всем: от колхозников до представителей номенклатуры.

Действительно, юная диктатура большевиков периода Гражданской войны (если сталинскую диктатуру автор считает молодой) была, что ли, более откровенной и, можно сказать, временами рекламировала террор. Для нее это было вполне функционально в целях решительной деморализации сопротивления собственных многочисленных противников. Как реальных, так и прежде всего потенциальных. Наиболее эффективно было применение коллективной ответственности, заложничества. Однако когда сокрытие террора было целесообразно, он прятался не хуже, чем в сталинские времена. Например, если он был направлен против вроде как “союзного класса” – крестьянства (подавление Тамбовского и других крестьянских восстаний). Кроме того, руководство большевиков в то время еще рассматривало события в России как фитиль мировой революции, которая подхватит у него “эстафетную палочку” и развернет те же репрессии уже в мировом масштабе. Поэтому не считалось нужным надевать маску гуманизма.

Другое дело – сталинские времена. Коммунистические лидеры СССР вполне осознали, что надежда на революции “снизу” в мире капитала невелика. Была негласно принята стратегия экспорта революции (фактически, институтов социализма) через территориальную экспансию. В то же время в целях ослабления сопротивления ей и привлечения союзников за рубежом Советский Союз очень нуждался в положительном имидже благополучной страны, где, в отличие от пораженных Великой депрессией стран, все трудящиеся процветают. Кроме того, этот ложный позитивный имидж был полезен и ради массового привлечения иностранных специалистов к индустриализации. Были, само собой, и чисто внутренние причины. Надо было во главу пропаганды поставить позитивный и вдохновляющий образ светлого будущего, а репрессиям придать неопределенность, когда, с одной стороны, каждый, независимо от статуса, мог ожидать удара, с другой – не мог с уверенностью причислить себя к той или иной особо уязвимой группе, а, следовательно, всегда надеялся (или даже был уверен), что минует его чаша сия. Поэтому “покров тайны” по отношению к репрессиям стал одним из условий их эффективности.

В целом же, приходится заметить, что теория старой и молодой диктатуры автору, к сожалению, не удалась. Вместе с тем в работе присутствует и ряд несомненных удач. Прежде всего имеет большую научную ценность представленная классификация институтов. Дается тройная классификация: по месту в иерархии, неформальному и формальному характеру. В основе иерархической классификации находится культурный контекст, определяемый как “совокупность мировоззренческих установок и ценностных ориентиров, непрерывно формирующихся в ходе истории общества”². Образованная им институциональная среда включает в себя государство и права собственности, причем именно государство определяет права собственности. Определенному типу государства и прав собственности отвечает и то, что автор назвал институциональным устройством. Их два типа: либо иерархия, либо рынок. Права же собственности также подразделяются на два типа: власть-собственность³ либо частная собственность (с. 159).

² В соответствии с изложенным выше воззрением автора книги в основе всей институциональной среды в качестве детерминирующего фактора находится территория (геоэкономика, геополитика, демография, “геокультура”) (с. 156). Ранее уже были высказаны замечания относительно излишней склонности к географическому детерминизму. Куда более неуязвимыми для критики выглядят позиции тех авторов, которые игнорируют географический детерминизм. Например, Л. фон Мизес в своей работе “Теория и история” развивал мысль, что в основе всего лежат идеи (о теории истории Мизеса см. [Заостровцев 2014, с. 169–191]). Если выбросить из схемы Скоробогатова “территории”, то она будет близка к видению Мизеса. Дело в том, что авторы, включающие в качестве всеобщей детерминанты территорию, попадают в “географическую ловушку” и не могут объяснить наличие стран – институциональных антиподов в географической близости.

³ К сожалению, это единственный раз, когда в работе упоминается власть-собственность. Использование этой категории применительно, например, к анализу советской системы позволило бы повысить его качество.

Затем идут неформальные институты, в рамках которых менталитет определяет неформальные политические правила, которые, в свою очередь, определяют неформальные права собственности, а в качестве институционального устройства здесь фигурируют неформальные контракты. В системе же формальных институтов детерминирующим фактором является идеология, оказывающая свое решающее воздействие на формальные политические правила и права собственности. Институциональным устройством в данном случае становятся явные контракты. Эта схема не вызывает принципиальных возражений. Более того, она дает отличное системное понимание неформальных и формальных институтов. Единственное, что здесь смущает, так это помещение идеологии на место универсальной детерминанты характера формальных институтов и соответствующего им институционального устройства. Дело в том, что идеология – формальный институт не во всех обществах, а преимущественно в тоталитарных и теократических⁴. В дальнейшем же и сам автор правильно отмечает, что “идеологию можно идентифицировать как формальную составляющую культурного контекста” и что “силовой ресурс государства сообщает идеологии общеобязательный характер” (с. 160). А как же быть с обществами, где отсутствует формальная (государственная) идеология?

Выделим определение культурного контекста. “Координирующая роль культурного контекста связана с процедурной рациональностью. Культура выступает в качестве средства экономии, поскольку дает образ окружающего мира и, тем самым, готовые схемы принятия решений. Какими бы ни были образ реальности и схемы поведения, которые задаются той или иной культурой, они обеспечивают согласованность действий индивидов, делая их предсказуемыми друг для друга” (с. 160). В принципе, такое определение можно принять. Скоробогатов, как говорится, расставил все точки над *i*. В то же время надо предостеречь читателя книги от восприятия культуры как чего-то безусловно положительно-го. Она может быть как источником прогресса, так и серьезнейшей институциональной ловушкой, обрекающей общественные организмы на стагнацию, а то и на деградацию. Примером могут служить различные религиозные учения, одни из которых способствуют становлению развитой рыночной экономики с предпринимательским поведением ее акторов, а другие, напротив, подавляют определенные рыночные сделки и предпринимательский дух.

Автор книги связывает стимулирующую роль культурного контекста с “обеспечением легитимности всей нисходящей институциональной структуры, т.е. с ее соответствием внутренним представлением людей о справедливости” (с. 160). Такое понимание принципиально значимо для социального исследования истории, институциональных изменений и институциональной конкуренции. Можно сколько угодно пытаться внедрить (импортировать) институты частной собственности и демократии формальными средствами, но они не будут устойчивыми, если они не укоренены в людских убеждениях, типичных для той или иной страны. Когда же массовый менталитет их не принимает, то их перерождение в соответствии с исторически заложенным в нем восприятием “праведного” социального порядка – лишь вопрос времени.

Внимание экономиста, конечно, привлечет исследование институциональной среды с точки зрения выбора оптимального размера государств для обеспечения правопорядка. Делается упор на издержки этого процесса. В основу положен микроэкономический подход неоклассической экономики к теории фирмы. Только на место фирм теперь поставлены государства. Показано, как новые технологии защиты правопорядка и спецификации прав собственности могут привести к тому, что спрос на правопорядок будет наиболее экономно удовлетворять одно государство вместо прежних восьми. Однако спрос на правопорядок фигурирует как данность. Во многом такой подход разделяет все недостатки механицизма современного экономического мейнстрима, который если еще как-то может быть оправдан применительно к теории фирмы, то вряд ли способен адекватно объяснить столь сложную реальность, как размеры государств.

⁴ В ряде случаев исключением из этого правила может быть наличие официальной (государственной) религии даже в демократических обществах. Иллюстрацией может служить Швеция до вступления в Евросоюз.

Перейдем к проблеме порядка и иерархии. Скоробогатов исходит из того, что “конфликт между экономической эффективностью и интересами сильных должен разрешаться в пользу последних, и, соответственно, прогресс в истории должен обнаруживаться только тогда, когда он оказывается им на руку” (с. 186). Затем касается так называемого эффекта богатства, под которым понимается отнюдь не макроэкономический эффект с таким же названием, а тот факт, что имеется возможность закрепить выгодное место в разделении труда силовыми методами, создать преимущество в располагаемых ресурсах и тем самым гарантировать богатство для сильных. Это находит “воплощение в правах собственности, соответствующих иерархии силы, а не иерархии эффективности”. При этом “разницей силового потенциала задается как распределение прав собственности, так и система их защиты” (с. 188).

De facto автор описал систему власти-собственности, не прибегая к использованию этого термина. Ведь власть-собственность можно определить и как силовую собственность, которая, в отличие от правовой, обеспечивается не нейтральной по отношению к ее обладателям внешней силой (правовым государством), а имеет своим первоисточником закрепленное за носителями определенных статусов в государственной иерархии (часто неформальных в дополнение к формальным) государственное насилие. Потенциал этого насилия определяет распределение прав на активы (в современной России эти права выступают в качестве теневых, официально не регистрируемых) и соответствующие потоки доходов с них.

Данный порядок в западной экономической литературе принято называть ренто-ориентированным обществом (*rent-seeking society*). Плата за него – безвозвратная потеря производственного потенциала из-за растраты ресурсов и, как правильно подчеркивается в книге, неспособность общества к надлежащему развитию. Здесь “статусы обеспечивают устойчивое неравенство в распределении выгод от обмена”, а “поэтому ограничение конкуренции оказывается главным мотивом для поддержания иерархической структуры” (с. 196).

При этом в рассматриваемой работе вполне правомерно указывается на способность этой системы к эволюции, ответам на вызовы времени. “Общество может испытывать внутренний конфликт от необходимости соответствовать текущим историческим обстоятельствам и, значит, *меняться и в то же время угрождать сильным* (курсив мой. – А.З.), в то время как они своим положением обязаны прошлому, поскольку к прошлому восходят их силовые и экономические возможности...” (с. 197). В этом воплощается зависимость от прошлого (исторического) пути.

Скоробогатов ищет подтверждения этому теоретическому тезису в античной истории, хотя ничто не иллюстрирует его лучше, чем современная Россия. В 1990-е гг. имела место не революция, сменившая систему власти-собственности, а перестройка в виде модернизации последней. В результате она обрела современные организационные формы в лице акционерных обществ, частично получила чисто юридический статус частной собственности и из системы директивного планирования (командной экономики) вышла на просторы самостоятельных решений предприятий в условиях преимущественно рыночных цен. Все это и было ответом на “необходимость соответствовать текущим историческим обстоятельствам”. Тем не менее эти существенные изменения не устранили монопольного права бюрократии на хозяйственные активы; более того, на первые роли в ее структуре вышли по-настоящему сильные (“силовики”), которые и являются теневыми обладателями решающих прав распоряжения в любом российском бизнесе. Для российского читателя нет особой надобности указывать на то, что своим положением эти “хозяева жизни” обязаны социалистическому прошлому, в котором исторически были обретены их силовые возможности (до сих пор в России официально отмечается “День чекиста”).

При каких же условиях может совершиться прорыв и общество расстанется с доминирующей силовой иерархией? Скоробогатов полагает, что для этого недостаточно просто лучшей альтернативы. Она может проигрывать в силу эффекта богатства. Конкурентное преимущество альтернативной системы должно быть выдающимся! И еще: “Обстоятельства должны вызвать потребность, которую не могут удовлетворить альтернативы, отбираемые по принципу иерархии” (с. 198). Все это вроде как несомненно, но опять же, необходимо

видеть, что общества, основанные на силовых иерархиях и власти-собственности, так просто не сдаются. Пример Китая за последние 30 лет может служить лучшей иллюстрацией живучести основанных на силе порядков. Тем более, что по причине разных обстоятельств, Запад все менее способен служить путеводной альтернативой. Довлеющий над западным миром диктат политкорректности, экофундаментализма, феминизма иногда не менее опасен для прогресса, чем церковная инквизиция столетия назад. Сегодня наблюдается встречное движение: Китай модернизируется, не выходя за границы силовой цивилизации, а Запад “девестернизируется”, то есть ограничивает свободы классического либерализма, которые и сделали его в свое время двигателем экономического развития и человеческого прогресса.

Есть смысл под конец уделить внимание интерпретации социального устройства СССР в последней главе книги, названной “Общественная обусловленность индивидуальной свободы”. Имеется в виду описание его как заповедника рабского труда. При этом данное рабство было государственным, то есть существенно отличалось от рабства частного, когда рабы были полноценной собственностью господина. В СССР идеологически рабство строилось на пропаганде человеческой неполноценности тех, кто попадал в ГУЛАГ – на дно системы (“социально чуждые”) (с. 235). Вместе с тем едва ли не основной заслугой Skorobogatov надо считать то, что, говоря о рабском труде, он не ограничился темой ГУЛАГа или даже колхозного крестьянства, которое обычно сравнивают с крепостным. Он пишет о том, что “в советское время принудительный труд был повсеместным”, что в советском обществе имело место восприятие принудительного труда как системы служения всех всем – от генсека до шахтера (с. 236). Конечной же целью такого служения было построение невиданного на земле общества – коммунистического, где будет снята проблема ограниченности ресурсов. Тут Skorobogatov, сознательно или нет, следует концепциям служилого государства и служилого класса, которые применительно к России были выдвинуты американским историком Р. Хелли [Hellie 1977] и далее развиты шведским экономистом-институционалистом С. Хедлундом [Hedlund 2005; Hedlund 2006; Hedlund 2011].

Что можно сказать о книге в целом? Прежде всего то, что она дает обильную пищу для размышлений. Можно не соглашаться с отдельными ее положениями, но это не исключает того факта, что в ней содержится принадлежащий ее автору ряд достижений в области применения институциональной экономической теории к анализу истории. Плодотворность проделанного автором исследования не подлежит никакому сомнению. Кто бы впредь в России не предпринимал в дальнейшем шаги в области институциональной экономической истории, не сможет обойтись без обращения к рассмотренной работе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Заостровцев А.П. (2014) О развитии и отсталости: как экономисты объясняют историю? СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Заостровцев А.П. (2017) Россия и страны Балтии: расхождение цивилизаций. Препринт М-61/17. СПб.: Издательство Европейского университета.

Нуреев Р., Латов Ю. (2016) Экономическая история России (опыт институционального анализа). М.: КНОРУС.

Скоробогатов А.С. (2018) Общество как договор между сильными и слабыми. Очерки по экономике истории. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Четвернин В.А. (2014) Понятие права: конкурирующие парадигмы // Капитализм и свобода: сборник статей. СПб.: Нестор-история. С. 161–205.

Acemoglu D., Robinson J.A. (2012) Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. New York: Crown Business.

Gregory P.R., Shroder P.J.H., Sonin K. (2006) Dictators, Repressions and Median Citizen: An “Elimination Models” of Stalin’s Terror (Data from the NKVD Archives). CEFIR. Working Paper 91.

Hedlund S. (2011) Invisible Hands, Russian Experience and Social Science. Approaches to Understanding Systemic Failure. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

- Hedlund S. (2005) *Russian Path Dependence*. London & New York: Routledge.
- Hedlund S. (2006) Vladimir the Great, Grand Prince of Muscovy: Resurrecting the Russian Service State // *Euro-Asia Studies*. Vol. 58. No. 5. Pp. 781–785.
- Hellie R. (1977) *The Structure of Modern Russian History: Toward a Dynamic Model* // *Russian History*. Vol. 4. No. 1. Pp. 1–7.
- Kuran T. (1995) *Private Truths, Public Lies*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.
- Lal D. (1998) *Unintended Consequences: The Impact of Factor Endowments, Culture and Politics on Long Run Economic Performance*. Cambridge, MA: MIT Press.
- McCloskey D.N. (2010) *The Bourgeois Dignity: Why Economics Can't Explain the Modern World*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- McCloskey D.N. (2016) *The Bourgeois Equality: How Ideas, Not Capital or Institutions, Enrich the World*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- McCloskey D.N. (2006) *The Bourgeois Virtues: Ethics for an Age of Commerce*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Mokyr J. (2016) *A Culture of Growth: Origins of the Modern Economy*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Mokyr J. (2002) *The Gifts of Athena*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2009) *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Wintrobe R. (2001) How to Understand, and Deal with Dictatorship: An Economist's View // *Economics of Governance*. Vol. 2. No. 1. Pp. 35–58.
- Wintrobe R. (1998) *The Political Economy of Dictatorship*. Cambridge, UK; New York: Cambridge Univ. Press.

On Strong and Weak in the Economics of History. Contemplation on the Book

A. ZAOSTROVTSEV*

*Zaostrovtssev Andrey – professor, Department of Public Administration, National Research University “Higher School of Economics”, St. Petersburg; Senior Researcher, Center of Modernization Studies at the European University at St. Petersburg. Address: 17 Promyshlennaya st., St. Petersburg, Russia. E-mail: azaostrovtssev@hse.ru

Abstract

The article analyzes the content of the book by the professor A. Skorobogatov “Society as a Contract between the Strong and Weak. Essays on Economics of History”. The author of the book set the task to apply the economic method to the study of history, to look at it on the basis of the assumption of rationality of actors and, based on it, to show history as a change in the forms of interaction of strong and weak participants. The article notes that the author succeeded in many things: systematizing the hierarchies of institutions, highlighting the special role of culture, the concept of conventional expectations as an explanation of the stability of dictatorial regimes. The book correctly noted that economic activity ceases to be the lot of the weak when the economy begins to determine military power. Then there are state guarantees of property rights and force is subject to the rules. At the same time, the article has controversy with the author of the book on a number of questions. The definition of the rationality in the book is so trivial (the choice of the best means achieving the goal) that it describes any human activity. According to the author of the article, there is an excessive propensity to geographical determinism in the book. The theory of young and old dictatorships and especially its application to the history of Soviet Russia causes great doubts. A rather primitive “economism” is used in determining the optimal size of the states. However, controversy with the author does not mean at all that the book does not satisfy the interest in problems posed in. On the contrary, this book will certainly become the starting point for all subsequent works in the field of the economics of history because of its conceptual depth and new vision of many aspects of historical process.

Keywords: strong and weak, natural environment, conventional expectations, young dictatorship, old dictatorship, organizations, hierarchy of institutions, cultural context, order and hierarchy, individual freedom.

REFERENCES

- Acemoglu D., Robinson J.A. (2012) *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York: Crown Business.
- Chetvernin V.A. (2014) Ponyatie prava: konkuriruishchie paradigm [The Concept of Law: Competing Paradigms]. *Kapitalizm i svoboda: sbornik statei* [Capitalism and Freedom: Collection of Articles]. St. Petersburg: Nestor-istoriya, pp. 161–205.
- Gregory P.R., Shroder P.J.H., Sonin K. (2006) *Dictators, Repressions and Median Citizen: An “Elimination Models” of Stalin’s Terror* (Data from the NKVD Archives). CEFIR. Working Paper 91.
- Hedlund S. (2011) *Invisible Hands, Russian Experience and Social Science. Approaches to Understanding Systemic Failure*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Hedlund S. (2005) *Russian Path Dependence*. London & New York: Routledge.
- Hedlund S. (2006) Vladimir the Great, Grand Prince of Muscovy: Resurrecting the Russian Service State. *Euro-Asia Studies*, vol. 58, no. 5, pp. 781–785.
- Hellie R. (1977) The Structure of Modern Russian History: Toward a Dynamic Model. *Russian History*, vol. 4, no. 1, pp. 1–7.
- Kuran T. (1995) *Private Truths, Public Lies*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.
- Lal D. (1998) *Unintended Consequences: The Impact of Factor Endowments, Culture and Politics on Long Run Economic Performance*. Cambridge, MA: MIT Press.
- McCloskey D.N. (2010) *The Bourgeois Dignity: Why Economics Can’t Explain the Modern World*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- McCloskey D.N. (2016) *The Bourgeois Equality: How Ideas, Not Capital or Institutions, Enrich the World*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- McCloskey D.N. (2006) *The Bourgeois Virtues: Ethics for an Age of Commerce*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Mokyr J. (2016) *A Culture of Growth: Origins of the Modern Economy*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Mokyr J. (2002) *The Gifts of Athena*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2009) *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Nureev R., Latov Yu. (2016) *Ekonomicheskaya istoriya Rossii (opyt institucionalnogo analiza)* [Russian Economic History (Experience of Institutional Analysis)]. Moscow: KNORUS.
- Skorobogatov A.S. (2018) *Obshchestvo kak dogovor mezhdru silnymi i slabymi. Ocherki po ekonomike istorii* [Society as a Contract between the Strong and Weak. Essays on Economics of History]. Moscow: HSE Publishing House.
- Wintrobe R. (2001) How to Understand, and Deal with Dictatorship: An Economist’s View. *Economics of Governance*, vol. 2, no. 1, pp. 35–58.
- Wintrobe R. (1998) *The Political Economy of Dictatorship*. Cambridge, UK; New York: Cambridge Univ. Press.
- Zaostrovtssev A.P. (2014) *O razvitii i otstalosti: kak ekonomisty ob’yasnyayut istoriyu?* [On Development and Backwardness: How Do Economists Explain History?]. St. Petersburg: European Univ. at St. Petersburg.
- Zaostrovtssev A. P. (2017) *Rossiya i strany Baltii: raskhozhdienie tsivilizatsiy* [Russia and Baltic countries: Divergence of Civilizations]. Preprint M-61/17. St. Petersburg: European Univ. at St. Petersburg.